Археологические вести

— 24 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Archaeological news

24
(2018)

SAINT-PETERSBURG
2018

Археологические вести

24
(2018)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. Носов (главный редактор), академик РАН В. Л. Янин, академик РАН Н. А. Макаров, Н. В. Хвощинская (зам. главного редактора), О. И. Богуславский, М. Ю. Вахтина, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, В. А. Лапшин, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Рецензенты:

кандидат исторических наук В. А. Алёшкин

доктор исторических наук С. И. Кочуркина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. – 1992. –

Вып. 24 / [Гл. ред. Е. Н. Носов]. – СПб., 2018. – 428 с., ил.

ISSN 1817-6976

В очередной сборник ежегодника ИИМК РАН включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые вводятся в научный оборот материалы, полученные в результате изучения поселений и погребальных памятников от эпохи камня до средневековья на территории Евразии. В ряде статей рассматриваются конкретные археологические комплексы и отдельные категории материала. В специальный раздел сборника включены работы по актуальным проблемам археологии, касающиеся древностей эпохи бронзы и раннего железа Северного Причерноморья и лесостепной зоны Восточной Европы. В сборнике представлены рецензии на новейшую историко-археологическую литературу и информация о прошедшем в октябре 2017 г. V (XXI) Всероссийском археологическом съезде. Отдельный раздел посвящен истории науки. Среди авторов ежегодника – ученые из России, Азербайджана, Казахстана, Молдовы, Франции и Германии.

This yearbook of IIMK RAS includes a collection of articles concerned with the most recent researches in the sphere of archaeology, history and culture. It is the first time that some materials obtained through investigation of settlements and burial sites dating from the Stone Age to the Middle Ages in the territory of Eurasia are scientifically published. In a number of the papers, particular archaeological complexes and categories of finds are discussed. A special section of the collection considers works on the urgent problems of archaeology and antiquities of the Bronze Age and Early Iron Age of the Northern Black Sea Region and forest-steppe zone of Eastern Europe. The present collection presents reviews of the latest historical and archaeological publications and information on the 5th (XXIth) All-Russian Archaeological Congress held in October, 2017. A separate section is dedicated to the history of science. Among the authors of this yearbook there are scientists from Russia, Azerbaijan, Kazakhstan, Moldova France and Germany.

Обложка:

Первая страница – Бронзовая пряжка-пластина из кургана № 43 могильника Ала-Тей 1 (к статье М. Е. Килуновской и П. Леуса)

First page – Bronze plate/buckle from kurgan no. 43 at the cemetery of Ala-Tey 1 (article by M. E. Kilunovskaya and P. M. Leus)

Четвертая страница – Двор Ладожской крепости. Карта вертикального градиента поля аномалий силы тяжести: а – изолинии вертикального градиента поля аномалий силы тяжести; б – линии геофизических профилей; в – буровые скважины (1989 г.); г – фрагменты разрушенных крепостных стен; д – предполагаемые контуры погребенных развалин каменной кладки, обнаруженные при раскопках А. Н. Кирпичникова (к статье Н. В. Григорьевой, В. В. Кошевого, О. Ю. Медведева)

Fourth page – Courtyard of the Ladoga fortress. Map of the vertical gradient of the field of anomalies of the gravitation force; а – isolines of the vertical gradient of anomalies of the gravitation force; б – lines of the geophysical profiles; в – boreholes (1989); г – fragments of the ruined defensive walls; д – presumed outlines of the buried ruins of the stonework found during A. N. Kirpichnikov's excavations (article by N. V. Grigor'yeva, V. V. Koshevoy & O. Yu. Medvedev)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018

© Коллектив авторов, 2018

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2018

ISSN 1817-6976

СОДЕРЖАНИЕ

Наши юбиляры

К 85-летию Сергея Никитича Астахова	11
К юбилею Надежды Дмитриевны Моисеевой	12
К юбилею Галины Васильевны Сеницыной	13
К юбилею Татьяны Анатольевны Ершовой	14
К 70-летию Николая Анатольевича Боковенко	15
К 70-летию Сергея Степановича Миняева	17

Новые открытия и исследования

<i>С. А. Кулаков.</i> Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка на Таманском полуострове	19
<i>Н. К. Анисюткин, С. А. Кулаков, А. Л. Чепалыга.</i> Исследования местонахождений раннего палеолита на высоких морских террасах Южного Крыма в 2016 г.	33
<i>А. М. Скоробогатов, И. В. Федюнин.</i> Новые материалы палеолита и энеолита на южной границе лесостепного Подонья.	42
<i>С. Н. Разумов.</i> Собака в культовой практике населения Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке	50
<i>В. А. Трифонов, Н. И. Шишлина, А. Ю. Лобода, Н. Н. Колобылина, Е. Ю. Терещенко, Е. Б. Яцишина.</i> Золотые тонкостенные бесшовные бусы из дольмена раннего бронзового века в кургане № 2 у станицы Царская, Северо-Западный Кавказ: технология изготовления и культурно-исторический контекст	68
<i>И. П. Лазаретов, А. В. Поляков.</i> Святилище раннего бронзового века в Туве	83
<i>В. В. Алейников, В. П. Глебов, В. Я. Стеганцева.</i> Погребение с повозкой эпохи средней бронзы в бассейне реки Деркул в Тарасовском районе Ростовской области	94
<i>И. А. Кукушкин, Е. А. Дмитриев, А. И. Кукушкин.</i> Каражартас – новый социально-стратифицированный некрополь бегазы-дандыбаевской культуры (предварительные результаты исследований)	102
<i>С. А. Фидельский, М. В. Иващенко, В. С. Синика.</i> Амфорные клейма средиземноморских центров из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра	110
<i>М. Е. Килуновская, П. М. Леус.</i> Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве	125
<i>М. М. Казанский.</i> Зооморфные и антропоморфные пряжки и контакты Восточной Прибалтики с Византией в эпоху переселения народов	153
<i>Т. А. Кулиев.</i> Из истории монетного двора Дербента	169

<i>Н. В. Хвоцинская.</i> К интерпретации кладов серебряных гривен в Восточной Европе	182
<i>Н. В. Григорьева, В. В. Кошевой, О. Ю. Медведев.</i> Археолого-геофизические исследования на территории Ладожской крепости (опыт применения метода высокоточной гравиметрии для получения данных о рельефе местности)	190
<i>М. О. Жуковский.</i> Инструменты для взвешивания с граффити из раскопок Новгорода	198
<i>В. В. Яблончук.</i> Топография актов печатей Новгорода XI–XV вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопов)	207
<i>П. А. Милев.</i> Находки деталей ручного огнестрельного вооружения второй половины XV – XVI в. из Старой Ладogi и крепости Орешек в свете восточно- и западноевропейских аналогий	218
<i>Л. М. Дмитренко.</i> Результаты исследования керамики поселения Ла-Пайя (провинция Сальта, Северо-Западная Аргентина) из собрания МАЭ РАН	239

Актуальные проблемы археологии

<i>Р. А. Мимоход.</i> Происхождение и семантика фигурных пряжек эпохи бронзы в Европе и на Кавказе в контексте ближневосточных влияний	249
<i>М. А. Кулькова, М. Т. Кашуба, А. М. Кульков, Н. С. Власенко, Н. А. Гаврилюк, Э. Кайзер.</i> Первые исследования белой пасты для инкрустации керамики раннего железного века в Северном Причерноморье	276
<i>В. И. Козенкова.</i> Заметки о некоторых аспектах и векторе развития кобано-скифских взаимоотношений	290

Обзоры и рецензии

Попытка с негодными средствами, или Непреодоленное непостижимое Winkler-Horaček L. Monster in der frühgriechischen Kunst. Die Überwindung des Unfassbaren (Image & Context. Vol. 4. / Ed. F. Lissarrague, R. Schneider & R. R. R. Smith) Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. – ISBN: 978-3-11-018900-1. – 690 S. 241 Abb. (Рец. И. Ю. Шайба)	311
Новые подходы к изучению культурного процесса в Восточной Европе <i>Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.</i> / отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. – ISBN 978-5-903521-50-0 – 310 с. (Рец. А. И. Саксы)	321
Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О. М. Фишман, М. Л. Засецкая, Г. А. Исаченко, Л. В. Королькова, О. А. Красникова, А. И. Терюков и др. СПб.: ИД «Инкери», 2017. ISBN 978-5-903562-79-4 – 656 с. (Рец. В. А. Лапина)	325

Сотрудничество Восток – Запад

<i>С. А. Васильев.</i> V (XXI) Всероссийский археологический съезд (Барнаул–Белокуриха, 1–8 октября 2017)	329
<i>Э. Кайзер, М. Т. Кашуба, О. Н. Щеглова.</i> Первая Международная конференция «Время и материальность: Периодизация и региональная хронология перехода от бронзового к железному веку в Евразии (1200–600 BCE)» (Берлин, 19–21 марта 2018 г.)	333

История науки

<i>Е. Г. Застрожная.</i> К истории изучения античного наследия Крымского полуострова в начале 1920-х гг.	339
<i>А. В. Курбатов.</i> История изучения кожевенного дела средневековой Руси	349
<i>А. А. Пескова, И. В. Антипов, Д. Д. Ёлишин, К. А. Михайлов, А. Е. Мусин.</i> Археология красоты: опыт творческой биографии Марианны Малевской	358
Список научных трудов Марианны Владимировны Малевской-Малевич (составитель Л. М. Всевиов)	372

Персоналии

<i>М. Е. Мазуренко.</i> Лев Михайлович Всевиов	377
<i>Л. М. Всевиов.</i> Издательская деятельность Императорской Археологической комиссии	383
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Последнее письмо академика С. А. Жебелёва	401
<i>Ю. А. Виноградов, И. Ю. Шауб.</i> Разбирая архив В. И. Денисовой	405
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Два письма из личного архива В. И. Денисовой	411

Хроника

<i>С. А. Васильев.</i> Памяти Василия Прокофьевича Любина (1918–2018)	421
Список сокращений	423

CONTENT

Our jubilees

To the 85 th anniversary of Sergey Nikitich Astakhov	11
To the jubilee of Nadezhda Dmitrievna Moiseeva	12
To the jubilee of Galina Vasil'yevna Sinitsyna	13
To the jubilee of Tat'yana Anatol'yevna Ershova	14
To the 70 th anniversary of Nikolay Anatol'yevich Bokovenko	15
To the 70 th anniversary of Sergey Stepanovich Minyaev	17

New discoveries and studies

<i>S. A. Kulakov</i> . Early Palaeolithic site of Bogatyri/Sinyaya Balka on the Taman Peninsula	19
<i>N. K. Anisyutkin, S. A. Kulakov, A. L. Tchepalyga</i> . Studies of Early Palaeolithic sites on the high marine terraces of Southern Crimea in 2016	33
<i>A. M. Skorobogatov, I. V. Fedyunin</i> . New Palaeolithic and Eneolithic materials from the southern border of the Forest-Steppe Don region	42
<i>S. N. Razumov</i> . Dog in Ritual Practice of the North-Western Black Sea Population of the Early Bronze Age	50
<i>V. A. Trifonov, N. I. Shishlina, A. Yu. Loboda, N. N. Kolobykina, E. Yu. Tereshchenko, E. B. Yatsishina</i> . Gold thin-walled seamless beads from a dolmen of the Early Bronze Age in kurgan no. 2 near the Cossack village of Tsarskaya, Northwestern Caucasus: the technology of manufacturing and cultural historical context	68
<i>I. P. Lazaretov, A. V. Polyakov</i> . Sanctuary of the Early Bronze Age in Tuva	83
<i>V. V. Aleynikov, V. P. Glebov, V. Ya. Stegantseva</i> . Burial of the Middle Bronze Age with a cart in the basin of the Derkul River in Tarasovsky District of Rostov Oblast	94
<i>I. A. Kukushkin, E. A. Dmitriev, A. I. Kukushkin</i> . Karazhartas or a new socially stratified necropolis of the Begazy-Dandybay culture (preliminary results of researches)	102
<i>S. A. Fidelskiy, M. V. Ivashchenko, V. S. Sinika</i> . Amphora stamps of Mediterranean centres from the site of Chobruchi on the left bank of the Lower Dniester	110
<i>M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus</i> . New evidence on the Ulug-Khem culture in Tuva	125
<i>M. M. Kazanskiy</i> . Zoomorphic and anthropomorphic buckles and contacts of Eastern Baltic region with the Byzantine Empire in the Great Migration period	153
<i>T. A. Kuliev</i> . From the history of the Derbent mint	169

<i>N. V. Khvoshchinskaya</i> . Interpretation of hoards of silver neck rings in Eastern Europe	182
<i>N. V. Grigor'yeva, V. V. Koshevoy, O. Yu. Medvedev</i> . Geophysical archaeological investigations in the territory of the Ladoga fortress (experiment on application of the method of high precision gravimetry for investigation of the original relief of a site surface)	190
<i>M. O. Zhukovskiy</i> . Weighing instruments with graffiti from excavations in Novgorod ...	198
<i>V. V. Yablonchuk</i> . Topography of official seals in Novgorod of the 11 th –15 th century (finds from the Nerevsky and Troitsky excavations)	207
<i>P. A. Milyaev</i> . Finds of parts of hand firearms of the second half of the 15 th –16 th century from Staraya Ladoga and the fortress of Oreshek in the view of East- and West-European parallels	218
<i>L. M. Dmitrenko</i> . Results of the investigation of pottery from the settlement of La Paya (Salta Province, Northwestern Argentina) from the collection of the Museum of Anthropology and Ethnography RAS	239

Topical Problems of Archaeology

<i>R. A. Mimokhod</i> . The origin and semantics of figured buckles from Bronze Age Europe and Caucasus in the context of Near Eastern influences	249
<i>M. A. Kul'kova, M. T. Kashuba, A. M. Kul'kov, N. S. Vlasenko, N. A. Gavriluk, E. Kaiser</i> . First investigations of white paste for inlaid ceramics of the Early Iron Age from the northern Black Sea littoral	276
<i>V. I. Kozenkova</i> . Essay on some aspects and the vector of development of Koban-Scythian interrelations	290

Review Articles and Book Reviews

An attempt with unfit means or the Unsurmounted inconceivable	
Winkler-Horaček L. Monster in der frühgriechischen Kunst. Die Überwindung des Unfassbaren (Image & Context. Vol. 4. / Ed. F. Lissarrague, R. Schneider & R. R. Smith) Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. – ISBN: 978-3-11-018900-1. – 690 S. 241 Abb. (Rev. by <i>I. Yu. Schaub</i>)	311
New approaches to studies of the cultural process in Eastern Europe	
<i>Élite ou Égalité</i> : Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. – ISBN 978-5-903521-50-0 – 310 с. (Rev. by <i>A. I. Saksa</i>)	321
Illustrated ethno-confessional atlas of Leningrad Oblast	
Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О. М. Фишман, М. Л. Засецкая, Г. А. Исаченко, Л. В. Королькова, О. А. Красникова, А. И. Терюков и др. СПб.: ИД «Инкери», 2017. ISBN 978-5-903562-79-4 – 656 с. (Rev. by <i>V. A. Lapshin</i>)	325

The East–West Cooperation

<i>S. A. Vasil'yev</i> . The V th (XXI) All-Russian archaeological congress (Barnaul–Belokurikha, October 1–8, 2017)	329
---	-----

<i>E. Kaiser, M. T. Kashuba, O. A. Shcheglova.</i> 1 st International conference «Time and materiality: Periodization and regional chronologies at the transition from Bronze to Iron Age in Eurasia (1200–600 BCE)» (Berlin, 19–21 March 2018)	333
--	-----

History of Science

<i>E. G. Zastrozhnova.</i> History of the study of the ancient heritage in the Crimean Peninsula in the early 1920s	339
<i>A. V. Kurbatov.</i> History of studies of leather tanning in mediaeval Rus	349
<i>A. A. Peskova, I. V. Antipov, D. D. Yolshin, K. A. Mikhaylov, A. E. Musin.</i> The archaeology of beauty: essay on the creative biography of Marianna Malevskaya . . .	358
List of scientific works of Marianna Vladimirovna Malevskaya-Malevich (compiler <i>L. M. Vsevirov</i>)	372

Personalia

<i>M. E. Mazurenko.</i> Lev Mikhaylovich Vsevirov.	377
<i>L. M. Vsevirov.</i> The publishing activities of the Imperial Archaeological Commission. . . .	383
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> The last letter of the Academician S. A. Zhebelyov	401
<i>Yu. A. Vinogradov, I. Yu. Schaub.</i> Examining the archives of V. I. Denisova	405
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> Two letters from V. I. Denisova's personal archives	411

Chronicle

<i>S. A. Vasil'yev.</i> In memory of Vasily Prokofievich Lubin (1918–2018)	421
List of Abbreviations	423

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ПОПЫТКА С НЕГОДНЫМИ СРЕДСТВАМИ, или НЕПРЕОДОЛЕННОЕ НЕПОСТИЖИМОЕ

Winkler-Horaček L. Monster in der frühgriechischen Kunst. Die Überwindung des Unfassbaren. (Image & Context. Vol. 4. / Ed. F. Lissarrague, R. Schneider & R. R. R. Smith). Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. – ISBN: 978-3-11-018900-1. – 690 S. 241 Abb.

Ключевые слова: архаическое искусство Греции, вазовая живопись, монстры, сфинкс, грифон, сирена, фризы с изображением животных, Владычица зверей.

Keywords: archaic art of Greece, vase painting, monsters, sphinx, gryphon, siren, friezes with representations of animals, Mistress of Beasts.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-311-320

Монография немецкого исследователя Лоренца Винклер-Горачека «Монстры в раннегреческом искусстве» является осовремененным вариантом его докторской диссертации, защищенной еще в 2003 г. в Ростове. Ее подзаголовок «Преодоление непостижимого» выглядит особенно многообещающим, поскольку к этой теме в разных аспектах неоднократно обращались исследователи разных стран.¹

Книга состоит из предисловия, введения, пяти глав, трех приложений, развернутых резюме² на немецком и английском языках, общего указателя и списков литературы и иллюстраций.

Во введении Л. Винклер-Горачек определяет объект своего исследования, его цель и задачи. Объект – «изображение монстров как исторический феномен». По высказанному автором здесь же убеждению, в рассматриваемых им гибридных существах, соединяющих в себе черты различных животных, человека и животного или человека, животное и растение, воплощены «представления о преодолении границ» (Vorstellungen von Grenz-

überschreitungen), представления, которые обусловлены историческими обстоятельствами (S. 5).³ «Что говорят изображения монстров о самих себе и о своем времени?» – таков главный вопрос, интересующий автора (Там же). Его цель – «изучить роль гибридных образов в раннегреческом искусстве, определить значение их изображений, найти подход к объяснению широкого распространения этого мотива. При этом проанализировать формы данных монстров с точки зрения их значения, обсудить вопросы их происхождения, а также рассмотреть их изобразительный контекст» (Там же). Несмотря на столь широко заявленную тему, оказывается, что автор рассматривает отнюдь не все монструозные образы раннегреческого искусства, а только те, которые наряду с реальными животными украшают фризы греческих ваз, в подавляющем большинстве коринфских. Поэтому им не анализируются изображения тех монстров (морских чудовищ, горгон, сатиров, силенов и др.), которые не фигурируют на этих фризах, но широко представлены как на расписных вазах, так и на других памятниках греческой архаики.

«Монстры – это обитатели периферийных миров. Они преодолевают устоявшиеся конфигурации

¹ См. обширную библиографию, составленную автором рассматриваемой книги.

² Поскольку чрезвычайное многословие автора нередко затемняет его мысли, эти резюме являются хорошим подспорьем как для их понимания, так и для их передачи. Поэтому мы неоднократно будем ссылаться не только на основной текст книги, но и на ее немецкое резюме.

³ Здесь и далее ссылки на страницы рассматриваемой книги и на иллюстрации в ней даются в скобках в тексте рецензии.

и соединяют области, которые при "нормальном" порядке вещей не соприкасаются. Это делает их странными, чужими, непостижимыми, — пишет автор. — Монстры появляются в сфере культурной жизни и одновременно ставят эту сферу под вопрос. Одно из существенных культурных завоеваний общества состоит в возможности не только выразить человеческие страхи и неуверенность, но и в показе альтернативных концепций через смысловые и визуальные образы монстров. Поэтому монстров можно было бы рассматривать в соответствующем временном и культурном контексте как часть реальности. Кроме того, во многих культурах монстры являлись неотъемлемой частью более крупной идеологической системы. Это могли быть мифологические, религиозные или политические системы либо системы, созданные другими разнообразными способами. Эти системы ассимилировали монструозное, преодолевали непостижимое и в то же время инкорпорировали его в превалирующий социальный порядок.

Монстр всегда является продуктом культуры. Поэтому он всегда связан с конкретным историческим контекстом, из которого возник» (S. 617).

В рассматриваемой работе термин «монстр» относится к созданиям, являющимся комбинацией разных видов животных, человека и животного или человека, животного и растения. Термину «монстр» также синонимично выражение «гибридное существо», или «*Mischwesen*». Такие существа, как крылатый гибрид человека и льва (сфинкс), гибрид человека и птицы (сирена), орла и льва (грифон), пантеры и птицы и многие другие, были особенно широко распространены в греческой иконографии с конца VIII до середины VI в. до н. э. Либо отдельно, либо в качестве части фризов гибридные создания вместе с животными и растениями изображались на многочисленных предметах, чаще всего на вазах. «Расписные сосуды были объектами культурной деятельности: они использовались на симпозиях, в качестве сосудов для дорогих благовоний и в других сферах жизни, таких как религиозные ритуалы и похороны, — разъясняет автор. — Посредством функционального использования ваз и украшавших их изображений происходило взаимодействие между культурным актом и образом. Благодаря этому мы можем заглянуть внутрь идей,

лежавших в основе представлений данного периода времени» (S. 617–618).

Многие исследователи, которые занимались проблематикой греческого искусства архаической эпохи, уже давно (и нередко независимо друг от друга) пришли к выводу, что монстры здесь не только были семантически значимыми образами, но что в них греки видели воплощение смертоносных демонических сил (см., например: *Müller*, 1978, с библиографией). О том, что монстры выступали в качестве спутников богов, свидетельствуют как памятники изобразительного искусства, так и данные античных авторов. Об отношении к монстрам как к могучим апотропеям свидетельствуют данные этнографии. Л. Винклер-Горачек все эти интерпретации знает, но сознательно отменяет, считая умозрительными. Как же он пытается осуществить свое смелое намерение «заглянуть внутрь идей», отвергая достижения тех своих предшественников?

В главе 1 автор рассматривает представления, связанные с понятием «даймон», совершает экскурс в историю его употребления в греческих литературных источниках.

В научном обиходе монстров обычно называют «демонами», однако, по мнению автора, употребление этого термина в данной связи не точно, так как он охватывает различные, часто противоречивые представления (S. 23ff.) Все многочисленные интерпретации греческих монстров в качестве демонов, по словам самого автора, вызывают у него «нехорошее чувство» (S. 24). Образы монстров, которые являются объектом исследования автора, не имеют, по его мнению, ничего общего с древнейшими представлениями, с которыми мы знакомы по Гомеровским *daimones*, равно как и с областью философии, известной как демонология. Было бы разумнее, считает автор, интерпретировать все эти образы как *Schadensgeister*, или зловерные призраки. Разницу между категориями демонов и монстров он демонстрирует на примере двух эпизодов из «Одиссеи». Когда Одиссей приближается к острову сирен, именно демон успокаивает своей невидимой властью море, чтобы Одиссей мог беспрепятственно проплыть мимо острова сирен (Od. 12, 168 f.). А когда тот же герой дрейфует в водах около острова феаков после кораблекрушения, он опасается, что демон может наслать на

него морского монстра из воинства Амфитриты (Od. 5, 421 f.). Здесь не монстр является демоном, а силы, заставляющие его действовать таким образом. Сами по себе монстры живут на своем острове или в глубинах моря. Они связаны с представлениями об этих местах и выступают в виде странного, чужеродного представителя этих мест на периферии мира или в глубинах земли (S. 37). «Монстров на вазах и других предметах допустимо интерпретировать подобным образом независимо от того, являются ли они частью мифологического повествования или компонентом фриза с изображением животных. Их можно считать "демоническими" только в современном понимании в том смысле, что они воплощают что-то неизвестное или сверхъестественное», — утверждает автор (S. 618–619). Однако представление о том, что все странное, чужое, непонятное, а тем более пугающее, служит знаком скрытых сил, — является характерной особенностью человеческой психики, а отнюдь не ограничивается «современным пониманием». «Все необычное, уникальное, новое, совершенное или чудовищное становится вместилищем магико-религиозных сил и, в зависимости от обстоятельств, предметом поклонения или страха», — справедливо отмечает М. Элиаде (*Элиаде*, 1999. С. 28–29).

Что касается примеров из «Одиссеи», то, хотя конкретная их интерпретация Л. Винклер-Горачек и не вызывает возражений, нет никаких оснований переносить ее на всех монстров и на иные контексты. Наглядный пример дает «семантический пучок», связанный с персонажем, оставшимся вне поля зрения немецкого исследователя, — Горгоной. Горгона Медуза (родовое имя которой явно догреческое, а собственное означает «Владычица») представляет собой парадигматически монструозную фигуру. Ее имя наряду с убийственным взглядом и целым рядом других впечатляющих черт, о которых свидетельствуют многие античные авторы, а также ее образ в архаическом искусстве, где она нередко выступает в облике Владычицы зверей, — все это позволяет видеть в ней деградировавшую ипостась Великой богини (см.: *Шауб*, 1999. С. 211 сл. (с библиографией); 2007. С. 95–99 (с библиографией)). Согласно основной мифологической традиции, Медуза обитает на дальнем острове, где ее находит и обезглавливает Персей. Герой отдает голову чу-

довища Афине, которая делает ее украшением своей эгиды, что не мешает той же голове одновременно находиться в распоряжении Персефоны в царстве Аида (Od. XI, 634).

Глава 2 (самая большая) посвящена монстрам в искусстве Греции с конца VIII до середины VI в. до н. э., то есть от появления в нем гибридных существ,⁴ до начала массового изготовления ваз с выполненными в чернофигурной технике мифологическими сюжетами.

«В чудовищах инородность дикой природы приобретает инородную форму» (S. 624), — каламбурит Л. Винклер-Горачек, разъясняя, что как сами монстры, так и многие элементы и контексты их образов пришли в Грецию с «Востока» (автор берет это слово в кавычки) длинными и извилистыми путями. Наиболее тесные связи Греции раннеархаической эпохи

⁴ Л. Винклер-Горачек утверждает, что монстры в греческом искусстве появляются «с началом фигуративных изображений» в конце VIII в. до н. э. (S. 4). Это мнение не соответствует действительности, поскольку, несмотря на угасание микенских художественных традиций и на господство геометрического стиля в период «темных веков», изображения живых существ, в том числе и монстров, никогда не исчезали (наглядный пример — терракотовый фигурный сосуд в виде кентавра X в. до н. э. из Лефканди; см. ниже). Данный факт косвенно подтверждает и сам автор рассматриваемой книги, отмечая непрерывность традиции изображения монстров на Крите (S. 4). Несмотря на устойчивую традицию изображения монстров на самых разных памятниках крито-микенской культуры, господствует мнение, что в искусстве Эллады они не являются ее продолжением, но были заимствованы из стран Ближнего Востока и Египта (S. 4 и др.). Однако некоторые иконографические особенности архаических монстров свидетельствуют о том, что полностью отменить влияние на них местных традиций невозможно. Речь идет прежде всего о довольно долго бытовавшем (IX — середина VII в. до н. э.), хотя и не особенно распространенном, образе сфинкса не с львиными лапами, но с бычьими и/или лошадиными копытами (Abb. 73–78. S. 121–125). Предполагается, что эта черта была copiрована с изображений ассирийских крылатых быков. Но, поскольку у ближневосточных сфинксов эта особенность отсутствует (см.: Abb. 52–70, 72. S. 103–117), гораздо более вероятно, что она сохранилась с микенских времен, когда изображения сфинксов с ногами копытных животных были довольно широко распространены (S. 100–101. Abb. 47–50).

Допуская возможность пережиточного существования некоторых микенских изобразительных элементов в архаическом искусстве Крита, Л. Винклер-Горачек в данном случае ее полностью отвергает. При этом он ссылается на изображение монстра на протогеометрическом кратере из Кносса (Abb. 51. S. 102), утверждая, что этот сфинкс носит следы переднеазиатских и египетских влияний (S. 99). Однако и черты лица монстра, и специфическая штриховка всего его тела весьма схожи именно с трактовкой вышеупомянутых микенских персонажей.

прослеживаются с Сирией и Ассирией. Именно отсюда греки заимствовали не только фризы с животными, но и образы гибридных существ, помещенных в сцены борьбы животных, их тесную связь с растительным орнаментом, сюжеты борьбы героев с чудовищами, подчинение животных и монстров богам. Эта тесная связь между греческими и ближневосточными монстрами нашла отражение и в их атрибутах. Наглядным примером ближневосточных влияний является ранний греческий сфинкс (крылатый человеколев) с его характерным головным украшением, некоторыми бычьими признаками, бородой и т. д. В то же время греки избегали заимствования других изобразительных элементов. Так, египетские атрибуты сфинксов были широко известны в Греции по изображениям на финикийских предметах, но эти атрибуты трудно найти на изображениях греческих монстров, поскольку египетские представления отличались от греческих. В Египте боги и сами правители изображались в виде монстров или гибридных существ; к примеру, сфинксы представляли бога солнца и фараона. В отличие от Египта, на Ближнем Востоке, особенно в Северной Сирии и Ассирии, животные и гибридные существа обычно изображались подчиненными богам. «Существуют структурные совпадения или общие смысловые поля между культурами, что нашло выражение в осуществленном греками выборе и приспособлении конкретных элементов из других культур. Этот процесс заимствования нужно понимать в контексте стимулирования и интенсификации развития соответствующих идей в Греции, а не как прямое копирование. Иноземные влияния воспринимались, трансформировались и связывались с существовавшими здесь идеями. Возникшие в результате этого образы должны интерпретироваться исходя из греческого культурного контекста», — справедливо утверждает автор (S. 624).

Монстры, населяющие греческие фризы с животными VII и начала VI вв. до н. э., по твердому убеждению Л. Винклер-Горачека, были первоначально «монстрами без мифов». Позднее в течение VI в. до н. э. многие из них стали использоваться для иллюстраций известных мифологических сюжетов: крылатый человеколев стал фиванским Сфинксом, гибрид человека и птицы превратился в гомеровскую сирену, львы-грифоны стали со-

перниками аримаспов. Другие, например, птица-грифон или пантера-птица, так и не приобрели статус определенных мифологических фигур. Граница между мифологическими образами и «монстрами без мифов» текуча; иногда они перекрывают друг друга. Но гибридные существа, представленные на фризах с животными, должны рассматриваться как первоначально независимые от мифологического повествования. Когда сцена содержит несколько изображений гибридов человека и льва, они почти наверняка не представляют конкретного фиванского Сфинкса. Вместо этого они воплощают вид монстров, из которых смогли возникнуть индивидуализированные существа, как Немейский Лев возник из вида «львы». И все же существуют определенные структурные сходства между монстрами, включенными в животные фризы, и изображениями мифологических существ. В обоих случаях это чужеродные существа, действующие в диком мире либо как сфинкс в горах около города, как сирены на краю мира, или мира на животном фризе. Общей их чертой является то, что они воплощают чужие и непостижимые особенности периферийных регионов (S. 625).

Как известно, фризы с животными и монстрами украшали золотые ленты, бронзовые щиты, а также многие другие предметы архаического греческого искусства. Однако особенно характерны эти фризы для росписи восточногреческих и коринфских ваз, где ряды реальных и фантастических существ создают «ковровый» орнамент. Композиционное построение этих изображений и функциональные взаимодействия между отдельными фигурами преимущественно на вазах, созданных в Коринфе, анализируются автором в главе 3. В количественном плане мифологические образы здесь являются исключениями. В прошлом исследователями делалось различие между сценами с животными и монстрами, которые описывались как «декоративные и орнаментальные», и сценами с этими существами, которые описывались как «мифологические и повествовательные». Тогда и до некоторой степени и сегодня считается, что в «декоративных, орнаментальных» сценах отсутствует какой-либо более глубокий смысл. Эту точку зрения, по справедливому мнению Л. Винклера-Горачека, можно решительно опровергнуть. Основываясь на примере

коринфских вазовых фризов с изображением животных, он стремится показать, что композиция, кажущаяся на первый взгляд чисто орнаментальной, просто изображением серии животных и гибридных существ, на самом деле ориентирована на структуры и модели, которые вполне осмысленны. Чтобы соответствующим образом интерпретировать эти «орнаменты» (как фриз с животными в целом, так и его отдельные компоненты, то есть животных и монстров), необходимо, считает автор, сначала принять три базовых положения.

Первое исходит из предметности всех орнаментов в раннегреческом искусстве, то есть из того, что они изображают реально существующие объекты. «Это простое утверждение является основополагающим. Растительный орнамент воспринимается прежде всего как реальное растение. Это не означает, что это растение не имеет своего смысла. Этот смысл напрямую связан с качествами, которыми растение обладает как физический объект, или в данном случае как растение. На основе этой идеи растение выступает как проявление внутренней жизнеспособности и генерирующей энергии» (S. 619). Но автор выступает категорически против интерпретации подобных изображений в качестве абстрактных символов типа «цветок смерти» или что-либо подобное. «Еще меньше на абстрактные символы похожи образы животных и гибридных существ, являющиеся конкретными изображениями сами по себе. Так, изображение льва на самом деле есть лев, то же самое относится к качествам, происходящим из характеристик льва, включающих силу, власть и жестокость. Похожим образом эти качества могут относиться и к людям. На еще более базовом уровне лев выступает представителем опасного дикого мира» (Там же). И вновь автор считает недопустимыми предположения ряда предшественников, которые полагали, что лев мог выступать в качестве «демона смерти». «Такие умозаключения упускают из вида "первичную форму репрезентативности". Гибридных существ также надо рассматривать с этой точки зрения. Они представляют собой конкретные образы живых существ, чьи качества являются производными от составляющих их частей. Статистическое исследование фризов с животными на коринфских вазах показало, что первостепенным и определяющим элементом

этих существ является их торс (лев, птица и т. д.)», а не голова (Там же).

«Вторым основополагающим предположением является столь же простое фундаментальное правило: животные, растения и монстры – представлены ли они отдельно или в последовательном контексте фриза – изображают мир. Они не рассказывают какую-либо историю и должны рассматриваться отдельно от изображений повествовательных мифологических сюжетов. Здесь необходимо провести различия между *описательной* и *повествовательной* моделями (выделено автором. – И. Ш.). Описательные образы основываются на модели, которая была широко распространена в геометрическом периоде греческого искусства. Изображением монструозного животного мира передается идея дикого мира, который также называют "внешним", глубоко укоренившуюся в культурном сознании греков VII и начала VI вв. до н. э.» (S. 619–620).

Третье фундаментальное предположение является более сложным и связано с взаимоотношениями между различными фигурами на вазах. Животные и гибридные существа на фризах иногда организованы в группы, вовлеченные в какое-либо действие. По мысли Л. Винклера-Горачека, чтобы понять значение этих групп, необходимо учитывать «иероглифический» характер раннегреческого изобразительного искусства.

«Сцены и добавочные ряды, состоящие из отдельных фигур, представляют собой визуальные коды и шифры, каждый со своим индивидуальным смыслом, – пишет автор. – В сценах эти коды («иероглифы») могут взаимодействовать и ссылаться друг на друга в контексте какого-то действия. В этом случае они, так сказать, "вступают в коммуникацию". Сцены борьбы животных построены по этому принципу. Но и за пределами разворачивающегося в сцене действия визуальные коды могут коррелировать другими способами. Каждый код сохраняет свое индивидуальное значение, которое определяется по отношению к другим значениям той модели, в которую они включены. Следовательно, столкновение образов есть лишь столкновение значений, сцены становятся группами бездействия (смысловыми группами) без интерактивного потенциала. Такие изображения не являются произвольными или чисто декоративными. В то же время содержащиеся в них

значения возникают не из последовательности потенциальных действий, а становятся ясными только тогда, когда мы узнаем значение каждого отдельного "иероглифа" и связываем соответствующие значения друг с другом» (S. 620–621).

Что касается соотношения фигур на рассматриваемых фризах, то Л. Винклер-Горачек разделяет их на три группы: динамичные (куда относятся сцены борьбы животных), статичные, но с интерактивным потенциалом (таково большинство фризов, украшающих коринфские вазы), и статичные без этого потенциала (сюда относятся изображения животных и монстров, которые сопровождают композиции, в которых взаимодействуют люди) (S. 621).

«Как же понять, что такое монстры в мире животных?» – ставит вопрос автор и отвечает на него так: «Гибридные формы придают монстрам непостижимые и сверхъестественные качества. Таким образом, они выполняют в животном фризе совершенно определенную функцию. Именно через них "внешний" мир предстает как злоеший, непостижимый и чужой. В то же время возникает взаимосвязь: монстры символизируют "внешний" мир как некое страшное место, но, будучи включенными на коринфских вазах в определенный порядок, они подвергаются иной категоризации. Так, крылатый человеколев (сфинкс) занимает ту же позицию, что и лев. Он нападает на животных и людей, но иногда, хотя и менее часто, на него охотится человек. Гибрид человека и птицы (сирена) во "внешнем" мире, несмотря на свою гибридную враждебность, определенно находится ниже многих реальных животных. В сценах борьбы животных человекоптицу неоднократно окружают и атакуют львы. Львы-грифоны относятся к хищным животным. Птицы-грифоны более амбивалентны, но имеют тенденцию к тому, чтобы быть в подчинении у других животных, то же можно сказать и о пантере-птице» (S. 623–624).

Л. Винклер-Горачек убежден, что с включением монстров во фризовый порядок они теряют часть своей «угрожающей непостижимости», которую символизируют их гибридные формы. «Когда сирены подчиняются львам или пантерам в иерархии животного мира, или когда крылатые сфинксы показаны равными хищным животным, тогда, бу-

дучи частью этого животного мира, гибридные существа становятся не более сильными, чем торс соответствующего животного. Тело гибрида определяет его положение среди животных. Гибридные существа все же остаются опасными, но то, что в них было непостижимо и вызывало тревогу, преодолено» (S. 624).

Четвертая глава называется «Мир животных – аристократия – полис». Здесь автор продолжает рассуждать на свою излюбленную тему о фризах с животными и монстрами на коринфских вазах, которые использовались и в качестве погребального инвентаря, и как дары в святилища, и в быту. По мнению Л. Винклер-Горачека, то обстоятельство, что подавляющее большинство этих сосудов (как и прочих вещей) было найдено в могилах, сыграло несчастливую роль в их интерпретации: и самим вазам, и украшающим их изображениям (животным, монстрам и проч.) исследователями было якобы приписано погребальное значение и связь с загробными представлениями (S. 328). Автор всячески стремится показать, что никакой связи здесь нет. Однако ему совершенно невдомек, что греки представляли мир как единое целое и граница между обителью живых и мертвых мыслилась ими весьма условной и зыбкой (это известно и из Гомера, и из культовой практики архаики; в классическую эпоху данное представление нашло наглядное выражение в сюжетах росписи афинских погребальных белофонных лекифов).

«В так называемых группах бездействия (смысловых группах) без интерактивного потенциала, изображения встречи и борьбы львов, танцев и гибридных существ должны рассматриваться в связи друг с другом, – рассуждает Л. Винклер-Горачек. – Здесь основополагающие принципы общества, находящегося в процессе культурного самоопределения, сталкиваются с визуальными знаками очевидно неукротенной природы. Их соответствующие смыслы находятся в прямой конфронтации.

Таким образом, фриз с животными и монстрами особенно выделяет образы собственной культуры и связывает две области деятельности – человеческую культуру и дикую природу. Ранний греческий полис строил свои основополагающие принципы и экстраординарные задачи именно в связи с миром дикой природы и на его фоне. Мир животных вы-

являет культуру как таковую и культурное самосознание оформляется в противовес «внешнему» миру. До какой степени "городская" культура греческого мира VII – начала VI вв. до н. э. основывалась на противопоставлении с миром дикой природы, подтверждается мифологическими образами того времени. Особенно в VII в. до н. э. сюжеты борьбы греческих героев против разнообразных монстров претерпели статистические изменения. Наиболее часто встречающимися изображениями были сцены борьбы героя Геракла с кентавром или Лернейской Гидрой, Персея с Горгоной, Беллерофонта с Химерой, Одиссея с Полифемом. В этих мифах герой прокладывает путь в периферийные области и Греции и ойкумены и побеждает монстров. Борьба Геракла с кентавром помещается на периферию греческого мира. В этом мире Геракл борется не только с животными и гибридными существами, но также отстаивает нормы и "ценности" древнегреческого общества: в борьбе с кентаврами на горе Фолое он защищает обычай гостеприимства и симпосия, в котором он участвует вместе с Фолом; в борьбе с кентавром Нессом он борется за институт брака, подвергшийся опасности, когда это гибридное существо напало на его жену Деяниру. Греческий мир за краем ойкумены («эсхатия») становится экраном, на который проецируется мир дикой природы, в котором человеческие существа (герои) вынуждены утверждаться как культурные субъекты. Фриз с животными очерчивают пространство, находящееся вне повествовательного контекста. Они одновременно связаны с историческим процессом возникновения раннего греческого полиса. После утверждения полиса самое позднее к середине VI в. до н. э. противопоставление "культуры" и "дикости", а вместе с этим и фриз с животными и монстрами, теряет свое значение. Фриз с животными становится вспомогательным, пока постепенно совсем не исчезает» (S. 626). Примеров столь позднего формирования культурно значимых полисов в Греции Л. Винклер-Горачек, естественно, не приводит, но эта дата нужна ему для подтверждения своей совершенно умозрительной схемы.

В заключительном разделе данной главы автор довольно пространно и весьма банально рассуждает о том, что такое полис, а также пытается постичь, как самосознание греков соотносилось с миром

животных. Вывод автора таков: в коринфских фризах с изображением животных в течение долгого времени вырабатываются шаблоны, которые определяют и закрепляют положение монстров среди животных на этих фризах. После того, как «трансграничный характер» этих персонажей «таким образом интегрируется, непостижимое в них преодолевается». Л. Винклер-Горачек глубокомысленно замечает, что «"городская" культура греческого мира VII и VI вв. до н. э. в том, что касается ее самосознания, в значительной степени основана на рациональном постижении дикой природы. Наглядным выражением для этого служит сопоставление сцен из мира культуры с изображениями из мира животных, в котором непостижимых монстров можно привести в определенный порядок» (S. 370).

В последней, самой небольшой по объему (S. 373–394) главе речь идет о вымышленных границах раннегреческого мира и связи монстров с представлениями эллинов о рубежах ойкумены. «Соединение в одном образе частей различных животных, черт животных и человека, а также растительных элементов символизирует амбивалентность вымышленных периферийных пространств, колеблющихся между странностью, опасностью и плодородием. Локализация фриз с животными столь же возможна в периферийном пространстве на краю мира, как и в случае с конструированием "запредельного" внутри греческого мира. В этом случае изображения являются намеренно неоднозначными. Как животный мир, так и монстры имеют одинаково близкое отношение к основополагающим культурным принципам древнегреческого общества. Эти взаимные связи культурного и дикого мира оказываются более сложными, если мы посмотрим на то, как строится "внешний" мир на фризах коринфских ваз. Здесь мир животных и опасен и миролюбив, и амбивалентен и непостижим, но монстры с их гибридными формами, вызывающими тревогу и жуть, включаются в существующий порядок. С помощью их включения в один ряд с реальными животными и подразумеваемой таким образом их классификации преодолевается непостижимость гибридных существ. Эта тенденция была обусловлена стремлением рационально постичь дикий мир, которое являлось основой для раскрытия потенциала греческой культуры и ее

основополагающих принципов», – резюмирует автор (S. 627). В тексте же самой главы обращает на себя внимание следующий пассаж, ярко характеризующий степень проникновения Л. Винклера-Горачека в предмет своего исследования: «Бесчисленные цветы, растительные побеги и пальметки на фризах с животными символизируют изобильное плодородие и тем самым источник жизни греческого полиса и колоний» (S. 393). Это представление автора об убожестве греческого символизма (к сожалению, ныне весьма расхожее) легко поставить под сомнение хотя бы тем фактом, что стилизованные изображения растительности являются наиболее распространенным мотивом не только на коринфских сосудах, которые отнюдь неслучайно чаще всего были найдены в могилах, но и на южноиталийских погребальных вазах, и на боспорских саркофагах (см.: *Шайб*, 2016). То есть все эти изображения имели самое прямое отношение к погребальному символизму и, соответственно, к загробным представлениям их создателей.

Повторяя в основном уже неоднократно изложенные им ранее немудреные (и притом не особо оригинальные) мысли по поводу связи монстров с представлениями о крае ойкумены, автор нигде не вспоминает о том, что греки смотрели на окраинные области известного им мира как на территории, за которыми начинается потусторонний мир, «загробье» (см., например: *Толстой*, 1918. С. 4 сл.). И именно этот взгляд, столь характерный для греков, прежде всего и позволяет видеть в монстрах, обитающих где-то на краю земли, представителей загробного мира. О существовании этого представления Л. Винклер-Горачек не мог не знать, но оно совершенно неприемлемо для него, ученого-позитивиста, для которого «монстр – это продукт культуры, который нужно постигать как исторический феномен» (S. 9), понимаемый чисто социологически.

При превосходном знании современной литературы по своей теме у Л. Винклера-Горачека налицо и серьезные пробелы. Например, в его библиографии нет работы Х. Франкфорта (*Frankfort*, 1936–1937. P. 106–122) о критском грифоне, отсутствие которой необходимо отметить в связи с тем, что рассматриваемый в ней сюжет грифонов, представленный на фресках тронного зала Кнос-

ского дворца (не упоминаемый автором книги), важен для понимания семантики этого монстра в критском искусстве, а именно – в контексте его связи с Великой богиней (см.: *Андреев*, 2002. С. 265 сл., 307 сл., 348 и др.; ср.: *Шайб*, 2013. С. 27 сл.)

Автору неизвестны вещи с изображениями монстров, найденные на территории Северного Причерноморья.⁵

Еще более важным недочетом является незнание автором результатов некоторых важных для его темы раскопок. Он, следуя за К. Фиттхеном (*Fittchen*, 1969. S. 88 ff.), по старинке относит появление образа кентавра в греческом искусстве к концу VIII в. до н. э. (ок. 725 г. до н. э., когда была исполнена хрестоматийная бронзовая композиция, хранящаяся в музее Метрополитен: Abb. 18. S. 73). В то время как в Лефканди (на о. Эвбея) был найден фигурный сосуд в виде кентавра, относящийся еще к X в. до н. э. (*Desborough et al.*, 1970; *Андреев*, 2002. С. 696 сл., 705).

Относительно истории монстров в искусстве Греции автор придерживается умозрительной схемы, которую можно кратко сформулировать так: «от безымянных гибридных изобразительных образов – к получившим родовые или/и личные имена монстрам мифов». Очень близко к ней мнение К. Фиттхена (*Fittchen*, 1969. S. 127), согласно которому, поскольку Гомер, упоминая кентавров, не описывает их внешний вид, «демонический образ человека-коня первоначально не был идентичен с кентавром предания» (S. 237). Однако хорошо известно, что Гомер не только не дает детальных описаний многих, несомненно, хорошо известных ему вещей, но иногда даже не упоминает о них. А тот факт, что сюжет борьбы Геракла с кентавром (или кентаврами) относится к древнейшим в греческом изобразительном искусстве (причем на памятниках того же или даже более позднего времени кентавр преспокойно фигурирует среди прочих, якобы также безымянных и не соотносенных с конкретными мифами монстров), заставляет усомниться в релевантности вышеупомянутой схемы.

Монстры всегда (и, в соответствии с принципами симпатической магии, совершенно резонно) считались могучими апотропеями. Ныне это не «тренд», поэтому автор не только не считает нуж-

⁵ Кроме зеркала из Келермесских курганов (S. 222. Anm. 942).

ным рассматривать такой старомодный взгляд, но и прямо заявляет, что он ему непонятен (S. 24). Монстры, несомненно, мыслились греками как существа, связанные с потусторонним миром⁶ (а не просто пограничные, как полагает автор), поэтому неудивительно, что самые распространенные из них, сфинксы, изображались в качестве скульптурных стражей могил (см., например: *Demisch*, 1977; *Hoffmann*, 1997. Р. 79). Монстры наделены крыльями и таким образом воплощают медиацию, связывают миры, поэтому в мифах эти существа выступают в качестве посланцев богов и богинь (Зевса, Диониса, Геры), а в произведениях искусства – их атрибутов. Обо всем этом речи в книге нет, равно как и о том, что изображение гибридных существ среди реальных зверей и растений прежде всего остального должно было недвусмысленно намекать на присутствие сверхъестественных сил. Судя по тому, что на памятниках эгейского искусства монстры (прежде всего грифоны) изображаются служителями Великой богини, а в искусстве архаики представляются в таком же качестве по сторонам или в руках ее наследницы – Владычицы зверей,⁷ речь должна идти именно о ней. Причем сказанное отнюдь не исключает всех прочих упомянутых интерпретаций, поскольку, как известно, мифологическое сознание функционирует по принципу дополненности. Что касается образа Великой богини всего сущего, то он по определению должен был занимать главенствующую позицию в религиозных

представлениях, с помощью которых эллины осмысливали действительность.

В приложениях I и II, которые следуют за сгруппированными в самостоятельный раздел примечаниями, обобщена база данных о реальных и фантастических животных и их взаиморасположении на фризах почти 1700 коринфских расписных ваз, изученных автором.

В III приложении то же самое предпринято для восточногреческих архаических расписных сосудов. Приложения содержат ссылки на издания, где опубликованы рассмотренные автором изображения, причем приложения I и II даже снабжены отдельным перечнем всех этих изображений.

Составив эти объемистые каталоги (S. 471–615), Л. Винклер-Горачек продемонстрировал свои отменные бухгалтерские способности. Однако, пытаясь понять смысл изображений монстров на памятниках греческого искусства архаического периода, автор подошел к объекту своего исследования исключительно как социолог, поэтому его выводы относительно смысла изображений монстров не отличаются ни оригинальностью, ни глубиной. Этого печального факта не в состоянии скрыть ни его многословие, ни постоянные повторы, подчас напоминающие заклинания. Сознательно отказываясь от гипотез своих предшественников в деле изучения семантики изображений монстров, автор отмел и тот бесспорный факт, что область его исследования, греческое искусство – это религиозный феномен (см., например: *Schefold*, 1959).

⁶ Так, Сфинкс в одной эпитафии конца VI – V в. до н. э. из Фессалии названа «собакой Гадеса» (*Peek*, 1955. № 1831); главный герой «Золотого осла» Апулея Луций, став мистом Великой богини Исиды, получает драгоценный плащ, среди украшений которого были «гиперборейские грифоны, порожденные другим миром» (*Apul. Metam.* XI, 24).

⁷ Автор вскользь упоминает о Потнии Терон и даже воспроизводит два ее изображения, правда, со знаками вопроса (*Abb.* 174, 175; S. 221, 222) и не касаясь сути образа этой богини. (О ней см.: *Christou*, 1968).

Андреев, 2002 – *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе. СПб., 2002.

Толстой, 1918 – *Толстой И. И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918.

Шауб, 1999 – *Шауб И. Ю.* Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. № 3: Скифский квадрат.

Шауб, 2007 – *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб., 2007.

- Шайб*, 2013 – *Шайб И. Ю.* «От Евразии к Европе» Ю. В. Андреева и некоторые проблемы религии минойского Крита // Фидития: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2013.
- Шайб*, 2016 – *Шайб И. Ю.* Эллинское и варварское в курганах Боспора Киммерийского (мотив растительности) // Цивилизация и варварство. Вызовы деструкции в лабиринте миграции варварства. М., 2016. Вып. V.
- Элиаде*, 1999 – *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.
- Christou*, 1968 – *Christou Ch.* Potnia Theron: eine Untersuchung über Ursprung, Erscheinungsformen und Wandlungen der Gestalt einer Gottheit. Thessalonike, 1968.
- Demisch*, 1977 – *Demisch H.* Die Sphinx. Geschichte ihrer Darstellung von den Anfängen bis zur Gegenwart. Urachhaus, 1977.
- Desborough et al.*, 1970 – *Desborough V. R., Nicholls R. V., Popham M.* Euboean Centaur // BSA. Athens, 1970. Vol. 65.
- Fittchen*, 1969 – *Fittchen K.* Untersuchungen zum Beginn der Sagedarstellungen bei den Griechen. Berlin, 1969.
- Frankfort*, 1936–1937 – *Frankfort H.* Notes on Cretan Griffin // BSA. Athens, 1936–1937. Vol. 37.
- Hoffmann*, 1997 – *Hoffmann H.* Sotades. Symbols of Immortality on Greek Vases. Oxford, 1997.
- Müller*, 1978 – *Müller P.* Löwen und Mischwesen in der archaischen griechischen Kunst. Eine Untersuchung über ihre Bedeutung. Zürich, 1978.
- Peek*, 1955 – *Peek W.* Griechische Wersinschriften. Berlin, 1955.
- Schefold*, 1959 – *Schefold K.* Griechische Kunst als religiöses Phänomen. München, 1959.

И. Ю. Шайб
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН,
Отдел истории античной культуры